14 августа 2000 г., последний российский император Николай II и его семья были канонизированы Русской Православной Церковью в лике святых страстотерпцев

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

Рыбас Святослав Юрьевич — председатель совета директоров Русского биографического института, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации.

Окончание.
Начало см. в № 1/2016, с. 106–117; в № 2/2016, с. 94–106; в № 3/2016, с. 138–153; в № 4/2016, с. 166–177; в № 5/2016, с. 130–145; в № 6/2016, с. 156–171; в № 7/2016, с. 159.

Почему Церковь канонизировала императора

Мы приближаемся к последним дням трагедии. Читатель должен помнить, что сказал Николай II, принимая пост Верховного главнокомандующего: «Я знаю, пусть я погибну, но я спасу Россию». Однако не верится, что он осознанно шел навстречу гибели. Так не бывает. Тогда почему же?

Место захоронения останков царской семьи в Петропавловском соборе, г. Санкт- Петербург

Иконы и вещи царской семьи, найденные в доме Ипатьева в Екатеринбурге. 1918 г.

Николай II накануне отречения. Художник В.А. Алексеев. 2005 г.

Конечно, мы слышали, что император был безвольным, слабым, малоразумеющим, наделал массу ошибок. Но это не ответ. Да и кому принадлежат эти определения? Причисленный Русской Православной Церковью к лику священномучеников Николай Александрович Романов таким не был. Дав слово союзникам не заключать мира, пока не победят врага, он сдержал его, пойдя на личную жертву.

Вот как состоялось это жертвоприношение. В 1990 г. в Лос-Анджелесе авиаконструктор, сын белогвардейского офицера Игорь Александрович Автомонов подарил автору экземпляр журнала, издаваемого выпускниками имперских кадетских корпусов, со статьей Бориса Николаевича Сергиевского, Генерального штаба полковника, начальника Службы связи Ставки. В ней раскрыто неизвестное решение императора, которое в итоге стоило ему жизни.

Дело в том, что 12 апреля 1917 г. намечалось начать генеральное наступление. 26 февраля Ставка отдала секретное распоряжение о переброске к фронту 10 армейских корпусов, для чего требовалось 500 воинских эшелонов и 145 суток.

Однако после бунта запасных батальонов император приказал направить в Петроград семь полков с артиллерией (45 эшелонов), что должно было задержать переброску армейских корпусов примерно на две недели. Взвесив риски, главнокомандующий сделал выбор: приостановил движение полков к столице [93].

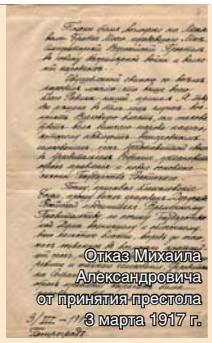
Что еще можно говорить после этого решения?

Распутин? Это пустяк, раздутый до небес.

Ответственное правительство? Не смешите.

Еврейский вопрос? Черта оседлости? Она фактически была отменена, и в ближайшие месяцы ее отменили бы официально.

Группа арестованных жандармов. 1917 г.


Отказ Михаила Александровича от принятия престола 3 марта 1917 г.

Крестьяне сдают зерно по продразверстке

Что еще? Хлеба не было в Петрограде? Был хлеб. Сами подумайте, ведь из-за войны был прекращен зерновой экспорт. Хлеба в стране было вдоволь.

Примечание. Вот голос не верхушки, а простонародных низов. Спустя несколько дней после «штурмовой речи» Милюкова, 4 ноября 1916 г., депутат Государственной думы минский священник Околович разгромил существующий торгово-экономический порядок: «Сама собой напрашивается мысль, что кто-то взял всю нашу торговлю, мясную, хлебную и молочную, в свои руки и руководит повышением и понижением цен. Есть какой-то вампир, который овладел всей Россией. Своими отвратительными губами он прилип к сердцу ее народно-хозяйственного организма; в своих клещах он крепко держит голову, мешает работать мысли. Имя этому чудовищу — банки... Печать отмечала, что за годы войны банки стали собственниками многих заводов. Банковские операции с сахаром представляют собой явление того же порядка, как и торговые сделки с мясом, хлебом, овсом и многими другими продуктами <...>. Все, от низшего до высшего, кричат о дороговизне и показывают кулак в кармане, а настоящей борьбы с нею не ведут, как будто бы кто-то запрещает, как будто есть какая-то неведомая сила, которая мешает приступить к борьбе с дороговизной».

Околович привел для примера высказывание некоего генерала, который предложил свой рецепт: повесить на железнодорожной платформе одного начальника станции, одного купца и одного банкира и «пустить это трио» по всем железным дорогам [90, с. 140–144].

Петроград был переполнен мобилизованными, беженцами, солдатами, переселенцами, все резко подорожало — квартиры, дрова и уголь, транспорт, продовольствие. Инфляция сводила на нет повышение заработной платы; она к 1917 г. выросла вдвое, а цены на основные продукты питания — вчетверо. Когда была введена продажа хлеба по низким нормированным ценам, лавки с дешевым хлебом окружили длинные многочасовые очереди; хлеб раскупался мгновенно, из-за чего родились слухи о грозящей продовольственной катастрофе.

Еще добавим, что 23 сентября 1916 г. правительство ввело продразверстку и установило твердые цены, по которым крестьяне должны были продавать хлеб. «Вольные» же цены в 3 раза превышали твердые, а цены на промышленные товары не ограничивались, что явно било по деревне; появились слухи, что скоро цены на хлеб повысятся в 10 раз; крестьяне остановили все продажи.

Снабжение населения столицы было передано городской управой в руки купцов Левенсона и Лесмана, а те стали нелегально втридорога продавать муку в Финляндию [3, с. 505].

Великие князья? Генералы? Масоны? 200 тысяч новобранцев в запасных батальонах?

Император мог изменить положение одним росчерком пера.

Тогда почему? И почему такого ничтожного руководителя Церковь канонизировала?

Ответ такой: он уповал на Господа, верил в высшую справедливость и не допускал, что православные патриоты могут предать. Он терпеливо глядел на недругов и оппонентов и ждал, что вот сейчас мы победим, все наладим, везде успеем. Он взял на себя всю тяжесть времени, чтобы удержать его от распада.

Может быть, так?

А пока император жив, вернемся к нему. О встрече кадета Хатисова с великим князем Николаем Николаевичем ему уже сообщили. На новый 1917 г. из Царского Села не были посланы традиционные рождественские подарки великим князьям. Он давал знать, что ему все известно. 22 января 1917 г. он отбыл из Петрограда в Ставку, куда его позвал генерал Алексеев. Во время начавшихся беспорядков Николая II в городе не было.

Капитан де Малейси сообщал в Париж: «В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды. Я могу на-

звать номера домов в тех кварталах Петрограда, где размещались агенты, а поблизости должны были проходить запасные солдаты».

Председателем Государственной думы М.В. Родзянко и главнокомандующим Северного фронта генерал-адьютантом Н.В. Рузским царь был введен в заблуждение относительно реального положения дел. Задержанный в Пскове император оказался в западне. Ему пригрозили, что армия развалится, что его жена и дети могут оказаться без защиты. По подсказке также введенного в заблуждение генерала Алексеева все главнокомандующие фронтов прислали телеграммы, призывающие его отречься от престола ради сохранения армии и государственности. И он подписал отречение.

Когда-то он записал в «Послужной книге нижнего чина» одного из полков, в который по просьбе командира согласился быть зачисленным рядовым первой роты: «Николай Романов. Срок службы — до гробовой доски». И этот срок наступал.

После отречения его поезд был выпущен из Пскова. Все было кончено. Свергнутый император остался в своем купе, едва освещенном горевшей перед иконами лампадой. Один. В дверь постучали, вошел дворцовый комендант Воейков. «После всех переживаний этого тяжелого дня Государь, всегда отличавшийся громадным самообладанием, не был в силах сдержаться. Он обнял меня и зарыдал...» [89, с. 249].

В это время в Петрограде и Ставке совершались большие и малые предательства, немыслимые преступления, грабежи и убийства. Это было только начало Февраля, «великой бескровной революции».

«Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию <...>. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части, некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живым сожгли» [71].

Николай II уповал на Господа, верил в высшую справедливость и не допускал, что православные патриоты могут предать. Он терпеливо глядел на недругов и оппонентов и ждал, что вот сейчас мы победим, все наладится, везде успеем... Он взял на себя всю тяжесть времени, чтобы удержать его от распада.

В это страшное безгосударственное время единственной силой могли стать подлинные гвардейские (не запасные!) части. К Таврическому дворцу в полной форме под командованием великого князя контр-адмирала Кирилла Владимировича прибыл Гвардейский флотский экипаж (морская пехота). Никаких красных знамен и бантов! Кирилл Владимирович привел гвардейцев, зная об отречении императора и руководствуясь обманной информацией Родзянко о необходимости сохранения монархии. «Великий князь Кирилл Владимирович во главе командуемого им гвардейского экипажа отправился в Думу, надеясь этим способствовать установлению порядка в столице и спасти династию в критический момент. Попытка эта не нашла поддержки и осталась безрезультатною» [12, с. 63]. Впоследствии великий князь, один из немногих сохранивших выдержку военачальников, был оклеветан; ему приписали и «красный бант», и признание революции.

Еще пытался спасти положение прибывший с фронта в кратковременный отпуск командир лейб-гвардии Преображенского полка геройский полковник Александр Павлович Кутепов, будущий знаменитый белогвардейский генерал. Да было уже поздно. Десятки тысяч из запасных батальонов, подстрекаемые невесть откуда взявшимися агитаторами, захватили город.

А что же Церковь? Защитила ли она своего Помазанника Божьего? Нет, не защитила. Святейший Синод на заседании 26 февраля отказался призвать православных мирян не участвовать в беспорядках и демонстрациях. 5 марта Синод распорядился во всех церквях Петроградской епархии многие лета царствующему дому «отныне не провозглашать».

«Диктатура капитала» обернулась переизданием «государства Витте» без сдерживающих начал.

Уже на третий день после отречения императора генерал

Россия оказалась «небрегаема и беззаступна». Воссоздание государства через грядущие великие потрясения, гражданскую войну и новую модернизацию никто не мог предвидеть.

Алексеев схватился за голову и буквально простонал: «Никогда не прощу себе, что я поверил некоторым людям!»

Кого он имел в виду?

Генерал Рузский недолго выступал как герой Февраля. Он был убит (зарублен шашками) осенью 1918 г. в Пятигорске.

В 20-х числах января 1919 г., как вспоминал известный нам полковник Б.Н. Сергиевский, главнокомандующий Вооруженных сил Юга России А.И. Деникин посетил только что освобожденную белыми группу Кавказских Минеральных Вод; тела убитых красными заложников (в том числе и генерала Рузского) были перезахоронены, однако Деникин отказал вдове генерала в просьбе перезти тело мужа в Екатеринодар. Отказ Деникина был беспримерно суров: «Поведение генерала Рузского в отношении генерала Алексеева в ночь на 2-е марта было такое, что главнокомандующий ВСЮР не может оказывать помощи его семье» [93].

Вспоминается восстание 1825 г., которым на целый век вплоть до Февраля была ушиблена российская верхушка, и его позднейшая оценка одним из декабристов: «Восстание 14 декабря осадило Россию назад на полстолетия» [94, с. 99].

А насколько отбросил Февраль? И был ли он неизбежен?

Кстати, Н.Н. Берберова говорила об интеллектуальной «тирании Парижа над Петроградом», которая «продолжалась около ста лет и делала русскую интеллигенцию устарелой в XX веке, позволяя устарелым идеям 1789 года бесконтрольно владеть лучшими умами России».

Император был незаурядным человеком. Именно он санкционировал переход к парламентской монархии и экономические реформы Витте и Столыпина, отказался прибегнуть к террору против оппозиции. Можно предположить, что, если бы он остался на троне, Россия двинулась бы по пути, который сегодня мы называем «китайским».

Для такого предположения есть все основания. В январе 1915 г. произошло событие, на которое обратил внимание Сергей Переслегин. С началом Мировой войны стало понятно, что в стране отсутствуют точные данные о стратегическом сырье, необходимом для производства вооружения. Поэтому академик В.И. Вернадский на заседании Физико-математического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук поставил вопрос о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Царь сразу поддержал академика. Впоследствии на базе КЕПС были созданы механизмы развития страны — ГОЭЛРО (план электрификации) и Госплан СССР. По мере развертывания советской индустриализации от КЕПС отпочковалось 16 исследовательских институтов. Иначе говоря, научная база советских успехов была заложена при царе и царем.

Но земной срок императора был отмерен.

После отречения Николая Александровича вынудили отречься и его младшего брата Михаила Александровича. Кто вынудил? Группа Керенского из ВВНР, для которой монархия, пусть и конституционная, даже без ненавистного Николая II, была неприемлемой. Предложение Милюкова и Гучкова для сохранения государственного порядка объявить Михаила «протектором народа» вызвало у Керенского «припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших» [62].

Возвратившись из Пскова в Могилев, в Ставку, «полковник Романов» попрощался с войсками, солдаты ответили «многоголосым ревом рыданий» [93].

5 (18) марта 1917 г. исполком Петросовета постановил арестовать всю царскую семью, конфисковать ее имущество и лишить гражданских прав. Через два дня — 7 (20) марта 1917 г. — в журнале заседаний Временного правительства № 10 была сделана запись: «Слушали: 1. О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги. Постановили: 1) Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося Императора в Царское Село». В заседании участвовали: министр-председатель кн. Г.Е. Львов, министры: военный и морской — А.И. Гучков, иностранных дел — П.Н. Милюков, путей сообщения — Н.В. Некрасов, финансов — М. И. Терещенко, а также обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов и товарищ министра внутренних дел Д.М. Щепкин, государственный контролер И.В. Годнев.

Когда-то давным-давно, после смерти царя Федора Иоанновича и пострижения в монахини царицы Ирины, в утвержденной грамоте об избрании на царство Бориса Годунова было сказано:

«<...> оставили еси сирых, безгосударственны и беспомощны, <...> и великое наше отечество Российское государство небрегаемо и беззаступно» [95].

Вот и теперь Россия оказалась «небрегаема и беззаступна». Воссоздание государства через грядущие великие потрясения, гражданскую войну и новую модернизацию никто не мог предвидеть.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге была расстреляна вся семья Николая Александровича Романова. Он предполагал, что его могут убить, но надеялся, что детей не тронут. Он ошибся. Идя на самопожертвование, он следовал вековой идее русского самодержавия: дело власти — самопожертвование во имя спасения народа, ибо народ греховен и может «безумно мнить о наличии в себе силы и мудрости неограниченной».

Однако вопрос о спасении не имеет простого ответа.

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо тотчас вам будет дано, что сказать» (Мф. 10:19).

Это и будет ответом.

Вот и все, сограждане. Империи не стало. ЭС

ПЭС 16004 / 15.01.2016

Владимир Вейдле. «Три России»

Было, впрочем, время — то, что зовут «эпохой великих реформ», — едва ли не самое трагическое в русской истории, когда весь еще не распавшийся культурный слой, включавший и подраставшую интеллигенцию, и правившее еще дворянство, и государство, и общество, и всю ту Россию, что была нацией, но не народом, обратился к этому народу, чтобы дать ему то, в чем, казалось, он нуждался, чтобы с ним соединиться, чтобы сделать нацией и его. Но время потому и было трагическим, что попытка не удалась, и все реформы, включая и освобождение крестьян, были приняты народом как барские затеи, которые могут быть выгодны ему или нет, но всегда остаются ему чужды. Крестьяне хотели не столько избавления от крепостного права, сколько избавления от государства, будь оно представлено помещиком, исправником или воинским начальником; если бы они могли найти подходящие слова, они сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта, и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена. 22 апреля 1861 г. Юрий Самарин написал письмо (позже опубликованное в «Красном архиве»), которое принадлежит к самым замечательным документам русской истории. Он говорит там о явлении, «которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это — полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, то есть ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу, как власть, то есть передают приказание и требуют послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, разуверять. Мы встретились с народным убеждением и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, хоть один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман,

подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самозданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образе пьяного дьячка или бессрочно отпускного».

При встрече с народом новая Россия разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона; она разбилась о географию, о неизменность народной жизни, ее победил все тот же стихийный разлив русской земли. Будучи побежденной, она пошла навстречу своему распаду: с шестидесятых годов начинается история русской революции. Быстро стали образовываться два враждебных механизма, бюрократический и интеллигентский, правительственный и революционный, два механизма, мешавшие видеть, мешавшие отличать реальные нужды страны от теоретических постулатов революции или контрреволюции, постоянно нарушавшие естественное развитие культурной жизни. Чеховский разбитый параличом мир обязан своим происхождением действию обоих механизмов, а не одного только, как обычно думают <...>.

Россия, созданная Петром, кончилась покаянием, но не только за царевича Алексея и казненных стрельцов, а за Грозного, за Калиту, за призвание варягов. Сами варяги и каялись — за то, что Россия стала нацией, но не включила в нацию народ.

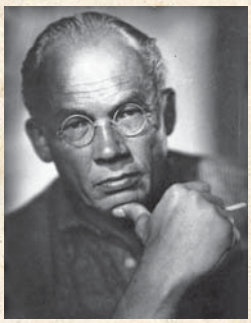
Иван Солоневич. «Великая фальшивка Февраля»

Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две *несовместимые* линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и *автоматических* противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, — это будет точка зрения русского монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность масс и культурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет «свергать». Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, — как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения *не было* вообще. По крайней мере государственного разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 г. в Государственной думе еще рассматривался закон о *равноправии* русских в Финляндии — хороши «завоеватели». Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты, но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус — личность в лучшем случае весьма подозрительная — имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой porte-parole (на русском языке *нет* нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру распутинскую *клевету*. Династия стояла в оппозиции Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы, и ген. А. Мосолов констатирует: «Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая *каста* имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда — это интеллигенция. Эти две силы построили вокруг Государя истинную стену — настоящую *тюрьму*...» А «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны». Ген. А. Мосолов в качестве начальника канцелярии Министерства Двора был, конечно, вполне в курсе дела: «истинная стена» и «настоящая тюрьма». Государю приходилось действовать более или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана по крайней мере такая служба информации, какую имеют большевики. Так, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть *все*, — без пессимизма и без оптимизма, — совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской Монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка, ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от «влияния». А «влияние» достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если ген. Мосолов выражается очень корректно: «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями» и что «честные люди уходили», то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: «Государь окружен или глупцами, или прохвостами». Эта запись сделана в 1904 г. Тринадцать лет спустя Государь Император повторяет формулировку А. Суворина: «Кругом измена и трусость и обман» (запись в дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 г.). Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину.



Морис Палеолог. «Царская Россия накануне революции»

Суббота, 25 декабря 1915 г. В течение последней недели цесаревич, сопровождавший своего отца в инспекционной поездке в Галицию, стал страдать от сильного кровотечения из носа, которое вскоре усложнилось продолжительными обмороками.

Императорский поезд немедленно был отправлен обратно в Могилев, где можно было легче провести курс лечения. Но поскольку больной слабел на глазах, то император приказал, чтобы поезд проследовал в Царское Село.

После ужасного кризиса, который Алексей Николаевич перенес в 1912 г., он никогда не был жертвой такого сильного приступа гемофилии. Дважды казалось, что он отдаст Богу душу.

Когда императрице доложили об ужасной новости, она в первую очередь позаботилась о том, чтобы послать

за Распутиным. Она излила перед ним всю свою душу, умоляя спасти ее ребенка. Старец сразу же склонил голову в молитве. После краткой молитвы он торжественным тоном заявил: «Благодарение Богу! Он вновь вручил мне жизнь твоего сына...»

На следующий день, утром 18 декабря, императорский поезд прибыл в Царское Село. Еще до прибытия поезда, на рассвете этого дня, состояние здоровья цесаревича внезапно улучшилось: жар спал, ритм сердца усилился и кровотечение уменьшилось. К вечеру того же дня ранка в носу зажила полностью.

Могла ли императрица разувериться в Распутине?

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н.Д. Жевахов

На 26 февраля было назначено заседание Св. Синода, и я раньше обыкновенного вышел из дому. То, что я увидел на улицах, заставило меня очень усомниться в словах, сказанных накануне министром внутренних дел. Ни трамваев, ни извозчиков уже не было, и я, с большим трудом, вынужден был пробираться через толщу крайне возбужденной и озлобленной толпы, собиравшейся на улицах, в разных частях столицы. Встречались по пути и процессии с красными флагами и революционными плакатами с надписью: «Да здравствует Интернационал!» Попадались навстречу и жидки, с сияющими лицами, явление для столицы необычное... Движение было стихийным; но в то же время замечалась опытная рука, руководившая им. Казалось, что каждый выполнял полученное задание. Так, например, идя переулками, ибо путь к Невскому был уже загражден, я видел, как не только подростки, но и малые дети ложились на мостовую при виде приближавшегося извозчика с седоком и преграждали ему путь, заставляя поворачивать его обратно, но в то же время свободно пропускали грузовики с вооруженными до зубов солдатами... Я не мог отрешиться от недоумений и спрашивал себя, отчего же власть позволяет разрастаться этому стихийному движению и не останавливает его, отчего в течение этих трех дней со времени моего возвращения в Петроград не предпринималось ничего для того, чтобы обуздать эту толпу, чувствовавшую себя хозяином положения и державшую в панике все население столи-

цы... И глядя на эти бесчинства, я, идя в Синод и еще не отдавая себе ясного отчета в происходившем, намечал программу тех мер, какие могли быть приняты Синодом в помощь администрации, с целью воздействовать на сбитую с толку, обезумевшую толпу...

С большим трудом я добрался до Сенатской Площади, к зданию Св. Синода. Из иерархов не все прибыли... Отсутствовал и Обер-Прокурор Н.П. Раев. Перед началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем чтобы таковое было не только прочитано в церквах, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае ослушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим. «Это всегда так, — ответил митрополит. — Когда мы не нужны, тогда нас не замечают, а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью». Я знал, что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев; однако такое сведение личных счетов в этот мо-

мент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показалось мне чудовищным. Я продолжал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели, и предложение было отвергнуто. Принесло бы оно пользу или нет, я не знаю, но характерно, что моя мысль нашла свое буквальное выражение у католической церкви, выпустившей краткое, но определенное обращение к своим чадам, заканчивавшееся угрозою отлучить от св. причастия каждого, кто примкнет к революционному движению. Достойно быть отмеченным и то, что ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами.

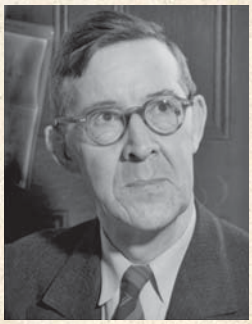
Питирим Сорокин. «Социология революции»

<…> революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же… достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социалогизируют людей, а биологизируют; сокращают их базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорциональной великой ценой. Карает же она за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей (хотя в любом случае происходит деградация их высокого социального положения) не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой <…>.

Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уж о силовом сопротивлении революции. <…> Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны — распущенности, коррупции, безнравственной изощренности и т.д. Безмозглость, безволие, бесхитростность. <…> Перед нашими глазами — целая галерея физических и психических импотентов, бесталанных правителей, женственных и циничных карликов.

Простого сопоставления этой картины с той, что наблюдалась тридцать лет до этого, в правление императора Александра III, достаточно, чтобы увидеть, к каким катастрофическим результатам приводит дегенерация власти и правящих кругов.

Что же происходит при этом с аристократией? В былые времена, подобно французской знати, она успешно выполняла важные функции администрирования, суда, защиты отечества, то есть когда она целиком была поглощена государственными делами. Тогда ее привилегии были обоснованными. Но к концу XVIII в., после издания указа о вольности дворянства при сохранении всех привилегий, начался процесс вырождения. Потихоньку класс превращался в социального паразита, а его претензии — в необоснованные злоупотребления. Подавляющее большинство дворян попросту растрачивали богатства, накопленные их предками, время от времени выкачивая дополнительные средства из государственной казны. Когда же на миг возрастала активность дворянства, как было, к примеру, в 1905 г., ее порождала не столько забота о благополучии страны, сколько примитивно хищнические аппетиты.



Вот почему не следует удивляться приговору истории, вынесенному русской аристократии, и пределу, который был положен этому наросту на теле России. Не удивляет нас также и полное отсутствие энергии класса в самозащите, в обороне старого режима и его сердцевины — самодержца. Гибель русской аристократии произошла безо всякого героизма. Нечто подобное можно наблюдать и на примере других революций. Все они подтверждают нашу догадку относительно второй причины революций — вырождение элиты общества. История «терпит» хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, покуда они хотят и знают, как управлять государством. Несмотря на все негативные стороны их правления, они полезны обществу.

Но бессильные и «добрые», бессмысленные и паразитические, высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит. <…>

Король может быть, конечно, человеком благородным, добросердечным и веселым. Но вспомним мудрые слова Наполеона: «Если люди говорят, что король мил, то это значит, что он дрянной правитель».

Г.М. Катков. «Февральская революция»

Но даже и тогда, когда было принято решение об отречении, генералы продолжали думать, что они помогают спасти монархию и династию. Только 3 марта, когда Родзянко заговорил о том, что надо задержать обнародование манифеста, генералы поняли, что с их помощью совершен государственный переворот, для которого, с военной точки зрения, нельзя было выбрать худшего момента. Противоположно тактике предшествующих дней Родзянко ни словом не обмолвился Рузскому и Алексеев о переговорах, касающихся отречения великого князя Михаила. На то у него были веские причины. Он знал, что если бы с главнокомандующими посоветовались до того, как Михаил принял решение отказаться от престола, то они могли бы поддержать кандидатуру Михаила.

В.А. Маклаков. «Власть и общественность на закате Старой России

(воспоминания современника)»: В 3 ч. (Приложение к «Иллюстрированной России»). Париж, 1936

Представители общественности, уверенные, что они сами все умеют, что страну они представляют, что она верит им, убежденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества, неустанно себя в своей прессе рекламировавшие и кончившие тем, что поверили сами тому, что сами о себе говорили, самовлюбленные и непогрешимые, не хотели унизиться до совместной работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 г. на горе себе и России.

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский

Изучая предшествовавшую революции эпоху русской жизни, историки, может быть, скажут не одно горькое слово по адресу властной Императрицы. Может быть, они поставят ей в большую вину, что она не сумела разграничить область религиозной веры и область государственной политики, отличить здоровую веру от религиозного шарлатанства, настоящих государственных деятелей от низкопробных и продажных честолюбцев и льстецов, друзей от врагов. Может быть, они обвинят ее, что она своим неразборчивым вмешательством в управление государством, своим настойчивым выдвиганием на высшие посты разных льстивших ей или подделывавшихся под ее настроение неудачников и ничтожеств, своим одиозным отношением ко всем, не разделявшим ее взглядов и привязанностей, своим крайним мистицизмом, которым она заразила Государя, — что всем этим она расстраивала государственную жизнь и ускорила катастрофу, помешав безболезненно разрешиться назревшему кризису. Но они не осмелятся обвинить ее в неискренности или в нечистоте ее намерений. В государственной же обстановке того времени и в царской-семейной они найдут многое, что значительно извинит ее увлечения и даже роковые ошибки. Образ же ее в заточении, в унижении и страданиях будет удивлять своим величием и красотою не только ее друзей, но и ее врагов.

Императрица Александра Федоровна на троне, в величии, не удалась; в унижении она оказалась великой.

Император Николай Александрович и в темнице остался тем же, чем он был на царском престоле: Иовом многострадальным, стоически переносившим удары судьбы и не переставшим надеяться на светлое лучшее. Чрезвычайные для монарха унижения, каким он подвергался, после своего отречения, в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге, не вынудили его поступиться ни одним из принципов своей благородной души и не ослабили его любви к своему народу. Простой, деликатный, добрый, отзывчивый, благородный, как человек, он не мог не возбуждать самых горячих симпатий; как царю, ему недоставало непреклонной воли и боевого темперамента.

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА

Царь сестре Ксении, 23 сентября 1917 г., Тобольск

Дорогая моя Ксения!

Недавно получил я Твое письмо из города от 23-го марта — ровно полгода тому назад написанное. В нем было два образка, один от Тебя, другой от М. Труб. Благодарю за него сердечно и ее тоже. Давно, давно не виделись мы с Тобой. Я тоже надеялся, что Тебе тогда удастся заехать к нам до Крыма. А как мы надеялись, что нас отправят туда же и запрут в Ливадии, все-таки ближе к вам. Сколько раз я об этом просил Керенского. Мишу я видел 31-го июля вечером; он выглядел хорошо. А теперь бедный сидит тоже арестованный, надеюсь, ненадолго. Мы слышали, что Ты себя неважно чувствовала и еще похудела летом.

Здесь мы устроились вполне удобно в губернаторском доме с нашими людьми и M. Gilliard, а сопровождающие нас — в другом доме напротив через улицу. Живем тихо и дружно. По вечерам один из нас читает вслух, пока другие играют в домино и безик.

Занятия с детьми налаживаются постепенно, так же как в Ц. Селе.

За редкими исключениями осень стоит отличная; навигация обыкновенно кончается в середине октября, тогда мы будем более отрезаны от мира, но почта продолжает ходить на лошадях.

Мы постоянно думаем о вас всех и живем с вами одними чувствами и одними страданиями.

Да хранит вас всех Господь. Крепко обнимаю Тебя, милая моя Ксения, Сандро и деток.

Твой старый

Ники.

Царь сестре Ксении, 5 ноября 1917 г., Тобольск

Милая, дорогая моя Ксения,

От всей души благодарю Тебя за доброе письмо от 15-го окт., доставившее мне огромную радость.

Все, что ты пишешь о здоровье Мамы, теперь успокоило меня. Дай Бог, чтобы силы ее вполне восстановились и чтобы она берегла здоровье свое.

Мы только что вернулись от обедни, кот. для нас начинается в 8 час. при полной темноте.

Для того, чтобы попасть в нашу церковь, нам нужно пройти городской сад и пересечь улицу — всего шагов 500 от дома. Стрелки стоят редкою цепью справа и слева, и, когда мы возвращаемся домой, они постепенно сходят с мест и идут сзади, а другие вдали сбоку, и все это напоминает нам конец загона, так что мы каждый раз со смехом входим в нашу калитку.

Я очень рад, что у вас сократили охрану — «дюже надоело» и вам и им, понятно.

Бедные, сбитые с толку люди. Постараюсь написать Мише, никаких известий о нем не имел, кроме как от Тебя.

Зима никак не может наступить настоящая; два дня идет снег при небольшом морозе, потом все тает и снова то же повторяется. Но воздух отличный, чистый, дышится очень хорошо.

Тут мы живем, как в море на корабле, и дни похожи один на другой, поэтому я Тебе опишу нашу жизнь в Ц. Селе.

Когда я приехал из Могилева, то, как Ты знаешь, застал всех детей очень больными, в особенности Марию и Анастасию. Проводил, разумеется, весь день с ними, одетый в белый халат. Доктора приходили к ним утром и вечером, первое время в сопровождении караульного офицера. Некоторые из них входили в спальню и присутствовали при осмотре докторами. Потом это сопровождение врачей офицерами было прекращено.

Я выходил на прогулку с Валей Д*(олгоруковым)* и с одним из офицеров или самим караульным начальником. Так как парк перестали чистить с конца февраля, гулять было негде из-за массы снега — для меня явилась прекрасная работа — очищать дороги.

Цепь часовых стояла — одна вокруг дома, а другая вокруг пруда и решетки маленького сада против окон комнат Мама.

Гулять можно было только внутри и вдоль второй цепи.

Когда стаял лед и сделалось тепло, бывший комендант полк. Коровиченко объявил, что он отодвинет цепь подальше.

Прошло три недели и никакой перемены. В один прекрасный день со мною последовали четыре стрелка с винтовками: этим я воспользовался и, ничего не говоря, пошел дальше в парк. С тех пор начались ежедневные большие прогулки в парке, а днем рубка и распилка сухих деревьев. Выходили мы все из дверей круглой залы, ключ от нее хранился у кар. нач.

Балконом ни разу не пользовались, так как дверь к нему была заперта.

Выход наш в сад вместе со всеми нашими людьми, для работы или на огороде, или в лесу, должно быть, напоминал оставление зверями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода с круглого балкона собиралась толпа стрелков, насмешливо наблюдавшая за этим шествием. Возвращение домой тоже происходило совместное, т.к. дверь сейчас же запиралась. Сначала я здоровался по привычке, но затем перестал, п. ч. они плохо и вовсе не отвечали.

Летом было разрешено оставаться на воздухе до 8 час. вечера; я катался с дочерьми на велосипеде и поливал огород. т.к. было очень сухо. По вечерам мы сидели у окон и смотрели, как стрелки возлежали на лужайке, курили, читали, возились и попевали.

Стрелки, приехавшие с нами сюда, совсем другие — это почти все побывавшие на фронте, очень многие ранены и с Георг. Кр. и мед. — большею частью настоящие солдаты. Мы со многими перезнакомились.

Забыл упомянуть, что в марте и апреле по праздникам на улицах проходили процессии (демонстрации) с музыкой, игравшею Марсельезу и всегда один и тот же Похоронный марш Шопена.

Шествия эти неизменно кончались в нашем парке у могилы «Жертв Революции», кот. вырыли на аллее против круглого балкона. Из-за этих церемоний нас выпускали гулять позже обыкновенного, пока они не покидали парк.

Этот несносный Похор. Марш преследовал нас потом долго, и невольно все мы посвистывали и напевали его до полного одурения.

Солдаты говорили нам, что и им надоели сильно эти демонстрации, кончавшиеся обыкновенно скверной погодой и снегом.

Разумеется, за этот долгий срок с нами было множество мелких забавных, и иногда неприятных происшествий, но всего не описать, а когда-нибудь, даст Бог, расскажем Вам на словах.

Боюсь. что надоел Тебе, милая Ксения, чересчур долгим письмом, да и рука у меня затекла.

Постоянно мысли мои с Тобой, дорогою Мама и Твоею семьей. Крепко обнимаю Тебя и их всех, как люблю.

Бепуатоны Тебя нежно целуют.

Да хранит и благословит всех вас Господь. Как хотелось бы быть вместе. Прощай, моя дорогая.

Всею душою

Твой старый Ники.

Царица Анне Вырубовой, 20 декабря 1917 г., Тобольск

<…> Занята целый день, уроки начинаются в 9 час. (еще в постели), встаю в 12 часов. Закон Божий с Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем. Немецкий 3 раза с Татьяной и 1 раз с Мари, и чтение с Татьяной. Потом шью, вышиваю, рисую целый день с очками, глаза ослабели, читаю «хорошие книги», люблю очень Библию и время от времени романы. Грущу, что они могут гулять только на дворе за досками, но по крайней мере не без воздуха, благодарны и за это.

Он прямо поразителен — такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на Него. Все остальные члены семьи такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются, — такие, как бы Господь и наш Друг хотели бы. Маленький — ангел. Я обедаю с ним, завтракаю тоже, только иногда схожу вниз. Священника для уроков не допускают. Во время служб офицеры, комендант и комиссар стоят возле нас, чтобы мы не посмели говорить.

<…> Тяжело быть отрезанной от дорогих после того, что привыкла знать каждую мысль. Благодарю за всю Твою любовь, как хотела бы быть вместе, но Бог лучше знает. Учишься теперь не иметь никаких личных желаний. Господь милосерд и не оставит тех, кто на Него уповает.

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, созерцание которой разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!.. Страданье со всех сторон. Сколько времени никаких известий от моих родных. А здесь разлука с дорогими, с Тобой. Но удивительный душевный мир, бесконечная вера, данная Господом, и потому всегда надеюсь. И мы тоже свидимся — с нашей любовью, которая ломает стены. Рождество без меня, в шестом этаже!... Не могу об этом думать.

Дорогое мое дитя, мы никогда не расставались, все простили друг другу и только любим. Я временами нетерпеливая, но сержусь, когда люди нечестны и обижают тех, кого люблю. Не думай, что я не смирилась (внутренне совсем смирилась, знаю, что все это ненадолго). Целую, благословляю, молюсь без конца.

Всегда Твоя

М.

Были расстреляны:

- в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. под Пермью в Мотовилихинском районе великий князь Михаил Александрович,
- в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге — царская семья вместе со слугами,
- в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском — великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, сыновья великого князя Константина Константиновича — Игорь, Иоанн, Константин, князь В. Палей, а также сопровождавшие их лица,
- в феврале 1919 г. в Петропавловской крепости великие князья Павел Александрович, Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович.

Вильтон Роберт. «Последние дни Романовых»

Темнота в этом северном краю наступает летом очень поздно. Было за полночь (по новому советскому времени два часа утра), когда Юровский принялся за дело.

Вся Семья спала глубоким сном; также и прислуга. Юровский вошел в Их комнаты и разбудил Их, приказав одеваться, чтобы покинуть город, которому будто бы угрожала опасность.

Семья поднялась. Оделись наскоро. Юровский пошел впереди; спустились по лестницам во двор, потом пошли в нижний этаж. Государь нес своего сына на руках. За Семьей шли доктор Боткин и служащие Харитонов, Трупп и Демидова.

Юровский вел Их в заранее подготовленную западню, так как отказался от мысли убить Их в Их комнатах наверху: он опасался тревоги, которая могла бы нарушить его план перевозки тел в лес для Их тайного уничтожения.

Комната, предназначенная для убийства, была расположена как нельзя удачнее. Она была низка, имела одно окно, пробитое в толстой стене и забранное решеткой, оно охранялось часовыми и было отделено от улицы двумя высокими заборами.

Жертвы спустились без опасения, думая, что Их увозят. Они взяли с собой на дорогу подушки и шляпы; Анастасия Николаевна несла на руке свою болонку Джемми.

Пройдя через все комнаты первого этажа, занятые теперь венгерцами, узники прошли через переднюю, где была дверь в переулок. Правее передней, освещенной, как и все комнаты, электричеством, пленники видели в окно, выходящее в сад, силуэт часового.

Низкая комната находится налево, против этого окна. Таким образом, последующая сцена произошла на глазах двух русских часовых, одного — в саду, другого — в переулке.

В деле имеются показания трех лиц, которые наблюдали событие очень близко и которые приводят также показания обоих часовых. В числе этих свидетелей находится и цареубийца Медведев, очевидец унтер-офицер Якимов и ефрейтор Проскуряков, присланный после, чтобы вымыть комнаты. Рассказ мой основан на всей совокупности имеющихся в деле документов.

Алексей Николаевич не мог стоять, Государыня тоже была нездорова и Государь попросил стульев. Юровский распорядился, чтобы их принесли. Государь сел посередине комнаты, положив сына на стул рядом с собою. Императрица села у стены. Дочери подали Ей подушки. Доктор Боткин стоял между Государем и Государыней. Три Великие Княжны находились направо от матери; рядом с Ними стояли, облокотясь об угол стены, Харитонов и Трупп; слева от Императрицы осталась четвертая Великая Княжна и камер-юнгфера Демидова, обе облокотившись о стену около окна. За ними запертая дверь в кладовую. Все ожидали сигнала к отъезду. Они не знали, что “карета” давно уже ждет у ворот. Это был 4-тонный грузовик «Фиат», на котором должны были отвезти тела. Все было предусмотрено с воинской точностью. Минуту спустя палачи вошли в комнату. То были, кроме Юровского, упомянутые уже лица: Медведев, Ермаков, Ваганов, неизвестный, носящий имя Никулина, и семь «латышей», принадлежащие, как и последний, к Чрезвычайке — всего 12 человек.

В эту минуту жертвы поняли, но никто не тронулся. Была мертвая тишина. В комнате, длинной в 8 и шириной в 6 аршин, жертвам некуда было податься: убийцы стояли в двух шагах.

Подойдя к Государю, Юровский холодно произнес: «Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас убьем». Государь не успел ответить. Изумленный, он прошептал: «Что? Что?» Двенадцать револьверов выстрелили почти одновременно. Залпы следовали один за другим. Все жертвы упали. Смерть Государя, Государыни, трех детей и лакея Труппа была мгновенна. Сын был при последнем издыхании; младшая Великая Княжна была жива: Юровский несколькими выстрелами своего револьвера добил Цесаревича; палачи штыками прикончили Анастасию Николаевну, которая кричала и отбивалась. Харитонов и Демидова были прикончены отдельно. Штыковые удары, направленные в Демидову, отбивавшуюся от палачей, попали в обшивку стены. Я заметил их следы при посещении комнаты. По требованию судебного следователя была в моем присутствии произведена экспертиза этих порезов — то, несомненно, были следы русского штыка.

Источники

[1] – [14] см. в № 1/2016, с. 117.
[15] – [23] см. в № 2/2016, с. 106.
[24] – [40] см. в № 3/2016, с. 153.
[41] – [51] см. в № 4/2016, с. 177.
[52] – [66] см. в № 5/2016, с. 145.
[67] – [77] см. в № 6/2016, с. 171.
[78] – [92] см. в № 7/2016, с. 159.

93. Сергиевский Б.Н. Отречение 1917. Публикация И.А. Автомонова. «Кадетская перекличка», Нью-Йорк, 1985, № 38.

94. Розен А.Е. Записки декабриста. Мемуары декабристов / Сост. А.С. Немзер. М.: Правда, 1988.

95. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153).